

Инстинктивно он сделал движение, чтобы снять куртку, но, вспомнив, что её нет, а сам он весь мокрый, нахмурился и побежал, как вихрь. Однако через мгновение он вернулся, и на спине Чу Хуайциня оказалась куртка.

Чу Хуайцинь: ...

— Надень её! — Ся Шан, действуя на инстинктах, вдруг осознал, что его действия были неправильными, и покраснел. — Если ты заболеешь, у нас будут проблемы без лидера.

Сказав это, он присел, не говоря лишних слов, и выхватил короткую палку из рук сестры, начав растирать лекарство.

Линь Чжинань:

— Моя палка.

Ся Шан предупредительно посмотрел на сестру:

— Иди обрабатывай рыбу.

Линь Чжинань не согласилась:

— Почему ты сам не идёшь?

Ся Шан холодно произнёс три слова:

— Я не умею.

[Прямой эфир]: В первую ночь выживания мы видели, как ты обрабатывал рыбу. Ты просто врешь!

— Иди сначала переоденься, — Чу Хуайцинь, увидев, что волосы и одежда Ся Шана мокрые, нахмурился. — Быстрее.

Ся Шан не двинулся, опустив голову и глухо сказав:

— Я растираю лекарство.

— Ся Шан.

Всего два слова, и тон был спокойным. Люди в прямом эфире даже подумали, что Чу Хуайцинь говорил слишком мягко. Но что они увидели? Ся Шан, который только что демонстрировал решимость не уходить, положил палку и встал, покраснев и с обидой посмотрев на Чу Хуайциня, ушёл.

[Прямой эфир]: ...

— Это что, переверот в моей паре? Я всегда был за младшего, волчонка против аристократа, что происходит?

— Эээ, я всегда думал, что Чу Хуайцинь очень силён, я за пару Чу и монашка.

— Подождите, вы говорите, что монашек — это пара для сестры?

— Ааа, не разрушайте мою пару детства, монашек должен быть с сестрой.

— Ха-ха, я только за Чу Хуайциня, все ваши пары я разобью.

— Ааа, мой старший брат — главный, все отойдите.

В прямом эфире внезапно разгорелись споры фанатов пар, которые рвали друг друга в клочья. Тем временем Чу Хуайцин уже готовился наложить лекарство. Сестру Ся Шан отправил чистить рыбу, и Чу Хуайциню нужно было наложить лекарство на запястье. Одной рукой это было неудобно, и он хотел позвать кого-то, но Ся Шан, который пошёл переодеваться, вернулся с нечеловеческой скоростью.

— Я... я наложу тебе лекарство, — Ся Шан покраснел, увидев, что Чу Хуайцин смотрит на него, и отвернулся, присев. — Я просто вижу, что тебе жалко, что никто не наложит тебе лекарство, не пойми неправильно.

Чу Хуайцин: Мне интересно, что ты подумал, что я неправильно понял.

После того как лекарство было наложено на запястье, Чу Хуайцин лёг на рюкзак, чтобы Ся Шан наложил немного лекарства на поясницу. Он предположил, что поясница, вероятно, посинела от удара.

Ся Шан, услышав слова Чу Хуайциня, замер, только сейчас узнав, что его поясница тоже пострадала. Подняв рубашку, он увидел, что поясница была сине-фиолетовой и опухшей.

Ся Шан мгновенно покраснел, его рука дрожала, когда он касался её. Он открыл рот, попытался несколько раз и наконец произнёс:

— В следующий раз я пойду с тобой.

— Выглядит, может, и страшно, но на самом деле это не так серьёзно...

— Слушай меня.

Ся Шан внезапно закричал, привлекая внимание всех.

[Прямой эфир] тоже был ошеломлён, не понимая, что случилось с Ся Шаном. Чу Хуайцин слегка повернулся, почувствовав прохладу от лекарства на пояснице, а Ся Шан сидел, опустив голову, его слегка влажная чёлка закрывала часть лица, скрывая его эмоции. Его руки двигались, и он бормотал:

— Слушай меня, слушай меня...

— Я слышу в словах Ся Шана обиду.

— Только что он был таким грозным, а теперь такой смиренный? И даже не смотрит в глаза.

— Ааа, как раз темнеет, и я вообще не вижу выражения лица Ся Шана. Что с ним?

[Прямой эфир] был заинтригован, и Чу Хуайцин тоже. Он считал, что кость не повреждена, просто скорость падения была высокой, а тыква твёрдой, отчего было так больно. По виду Ся Шана можно было подумать, что он вот-вот попадёт в реанимацию, но Чу Хуайцин ничего не сказал, повернулся и лёг, закрыв глаза, лёго постукивая пальцами по рюкзаку, размышляя.

После того как поясница Чу Хуайциня была перевязана бинтом с лекарством, сестра закончила чистить рыбу, улиток и прочее. Были креветки разного размера, три рыбы, одна тыква и около десятка ракушек шириной в три пальца, а также несколько пресноводных улиток.

Все креветки смешали с солью и маслом, добавили нарезанные бамбуковые побеги, завернули в банановые листья и положили на угли. Три рыбы нанизали на бамбуковые палочки и зажарили, а улиток и ракушек положили в котёл вариться. Тыкву также нарезали и положили в котёл тушиться. Всё это требовало времени, поэтому двое остались следить за готовкой, а остальные пошли помогать монашку делать плот.

Их осталось десять человек, и плот для десяти человек с багажом должен был быть не менее трёх метров в длину и двух метров в ширину. Кроме плота, им нужно было сделать вёсла. Все работали с энтузиазмом, и когда все ветви бамбука были обрезаны и подготовлены, ужин был готов.

Банановые листья расстелили на земле, на них положили запечённые креветки с бамбуковыми побегами, рыба была зажарена до золотистой корочки, а варёные ракушки открылись, обнажив нежное мясо. Золотистая тыква выглядела аппетитно и сладко. Все, кроме утренних грибов, почти ничего не ели, и этот стол заставил их чуть не заплакать.

Как раз в время ужина, зрители в прямом эфире тоже слюнки пускали, все выражали желание: Хочу есть.

— Я никогда не думал, что могу заплакать от куска тыквы, — Чу Хуайцинъ вздохнул, откусив кусочек сладкой и мягкой тыквы. Вкус был восхитительным, и после первого кусочка захотелось второго.

Рыбы было только три, и на десять человек каждому досталось по паре кусочков, но все ели с удовольствием.

— Ух, эта рыба просто чудо, кто её поймал, кто зажарил, это просто райское наслаждение, — Су Хуайчэнь откусил кусочек и покачал головой, словно попал на небеса. Не зря он был актёром.

— Если ты попадёшь в группу похвал, то через три дня тебя выберут лидером, — Чу Хуайцинъ засмеялся. Рыбу зажарил он, и комплимент был приятен, но выражение лица Су Хуайчэня было слишком театральным.

Свежие пресноводные улитки и ракушки были нежными и упругими, но их было мало, и каждому досталось только по одной. Фэн Шань, причмокивая, сказал, что завтра они поймают больше.

Наевшись и напившись, уже было около десяти вечера, и все начали ставить палатки и мыться. Озеро отличалось от ручья шириной, и, наевшись, все сняли одежду и побежали босиком к озеру, совсем не думая о том, как трудно было технической команде прямого эфира накладывать мозаику.

— Плохая оценка, плохая оценка, опять мозаика, режиссёр Хуан, давайте без мозаики!

— Эх, я больше всего ждал, когда Ся Шан и старший брат разденутся, хочу увидеть.

— Чу Хуайцинъ ранен, только что наложил лекарство, точно не полезет в воду, а Ся Шан, кажется, решил всегда быть рядом с Чу Хуайцинем.

Зрители в прямом эфире заметили, что с тех пор, как Ся Шан наложил лекарство Чу Хуайциню, его взгляд не отрывался от него. Видимо, он точно не пойдёт мыться. И действительно, когда все вернулись с купания и поставили палатки, Ся Шан так и не вошёл в воду. Чу Хуайцин же вошёл в воду, но на берегу его замазали мозаикой.

[Прямой эфир]: Плохая оценка.

С начала выживания в дикой природе этот ужин был самым лучшим, и, искупавшись в прохладной воде озера, все спали растянувшись, изредка слышались крики птиц и шум воды, что способствовало глубокому сну до самого утра.

Утром солнце поднялось из-за гор, и туман, окутывавший озеро и горы, постепенно рассеялся. Свет озарил горы и озеро, а поверхность воды отражала красоту рассвета. Волны одна за другой накатывали на берег, сопровождаемые утренним ветром, создавая гармонию с окружающими горами и водой.

— Боже, вчера я даже не заметил, как это место красиво, хочу туда.

— Сейчас не хватает только лодки и вёсел, чтобы покататься по озеру, это было бы прекрасно.

— Горы и вода государства Хуа — лучшие в мире, просто сняв сцену в горах, можно затмить всех.

— Вы опоздали, около пяти-шести утра, когда небо только начинало светлеть, было ещё красивее, дымка окутывала горы, и это было потрясающе.

Люди в прямом эфире проснулись раньше, чем в лагере, и красота, которую они увидели, чуть не заставила их заплакать. Все писали сообщения, мечтая о путешествии.

— Хэ, хэ!

Зрители, погружённые в красоту озера, вздрогнули от внезапного звука. Оглянувшись, они увидели, что Фэн Шань и Бин Сян встали и начали делать зарядку у озера. Это был первый раз с начала трансляции, когда зрители увидели их в таком расслабленном состоянии.

[Примечаний нет]

<http://bllate.org/book/16333/1474629>